

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Жанровые особенности древнерусских произведений о Михаиле Тверском	14
1.1 Истоки жанра жития	14
1.2 Обзор основных текстов.....	20
1.3 Пространная редакция «Жития Михаила Ярославича Тверского»: от повести к житию.....	29
1.4 Произведения о Михаиле Тверском в составе сборников и летописей	41
Глава 2. Поэтика текстов о Михаиле Тверском	47
2.1 «Сеи великыи наречется въ царствии небеснѣмъ» (Пространная редакция жития)	47
2.2 «Внукъ великаго князя Ярослава...» («Степенная книга», «Великие Минеи четъи», «Старопечатный пролог»).....	98
2.3 «Ревность же имѣй въ сердцѣ божественную» (Тверская летопись и Рогожский летописец)	114
2.4 «И сопростася два князя о великомъ княжении» (Никоновская летопись)	132
2.5 «А дщерь твою уморил, а посла твоего убил» (Устюжская летопись)	173

Заключение	177
Литература	179
Тексты.....	179
Исследования.....	179

Введение

«Житие Михаила Ярославича Тверского» и летописные редакции, представляющие историю его жизни, княжения и гибели, занимают особое место среди памятников культуры и литературы средневековой Руси в целом и средневековой Твери в частности. Этот корпус древнерусских текстов раскрывает важные и насущные проблемы эпохи феодальной раздробленности и татаро-монгольского владычества.

Поскольку в первое столетие ига в связи с разрушением церквей и монастырей на первый план выходят прежде всего воинские доблести и защита христианской веры в борьбе с иноверцами-татарами¹, необходимым становится подвиг русских князей, совершенный в миру во имя родины и сопряженный с мученической кончиной.

22 ноября (5 декабря) 1318 года на золотоордынском кочевье в предгорьях Северного Кавказа по приказу хана Узбека был казнен тверской князь, с 1305 по 1318 годы великий владимирский князь, первым принявший титул «великого князя всея Руси»², Михаил Ярославич. История его жизни, попыток сопротивления татаро-монгольскому игу, разоряющему и разъединяющему Русь, борьба с московским князем за великокняжеский престол и возможность объединения других русских земель вокруг одного из городов – Москвы или Твери – легла в основу «Жития Михаила Ярославича Тверского». Это произведение с различными изменениями включалось в разнообразные летописные своды XV–XVI вв. и самостоятельные сборники XVI–XVII вв.

В подробном, заключающем важные исторические сведения о Руси конца XIII – начала XIV в., рассказе о трагической судьбе тверского князя нашли отражение раздумья русских людей о тяжелых последствиях татаро-монгольского ига и междоусобных войн, стремление покончить с внутренней враждой, раздирающей страну, и властью ордынцев.

¹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. – М., 2003. – С.73.

² Богданов С. В. Об определении «всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV в. (по материалам актов XIV–XV в.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – М., 2008. – №4 (34). – С. 30–49.

В. А. Кучкин пишет о значимости данного древнерусского памятника: «Подробное описание многолетнего соперничества Михаила с Юрием Московским за великокняжескую власть и оценка этой борьбы, детальнейший рассказ о пребывании и казни Михаила в Орде и характеристика власти татаро-монгольских ханов над Русью, богатство литературных реминисценций и своеобразная художественность в описании событий – все это делает Повесть о Михаиле Тверском крупным явлением не только тверской, но и русской литературы и культуры начала XIV в., замечательным памятником древнерусской общественно-политической мысли, ценным историческим источником...»³.

Фигура и деятельность Михаила Ярославича Тверского привлекли особое внимание современников и потомков его участием в двух определяющих конфликтах: внешнеполитическом (с Ордой) и внутривосточном (с Москвой). Это же обстоятельство обусловило отсутствие единого взгляда древнерусских авторов и составителей летописей, сборников на образ тверского князя. С одной стороны, он признавался защитником родной земли, пострадавшим за сограждан в Орде и погибшим как настоящий мученик, с другой – в свете позднейших событий XV века, когда русские земли объединились вокруг Москвы, а Тверь была сломлена, разорена и подчинена московским князьям, образ Михаила Ярославича стал затухать и меркнуть в памятниках официальной истории государства. Подобная неоднозначность в воссоздании образа князя определила появление двух точек зрения на его личность и поступки: тверской и московской (официальной). На Макариевском соборе 1549 года Михаил Ярославич был канонизирован к общерусскому почитанию в чине святого благоверного князя, хотя очевидно, что его подвиг включает в себя элементы мученичества и страсотерпчества. В данном случае чин «благоверный» – не только обозначение непосредственно типа подвига князя, но и общепринятое именование святого из княжеского рода. В

³ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. – М., 1974. – С. 7.

данном обозначении заключается и социальный статус, и указание на характер власти (данная от Бога), и особый тип подвига, совершенный во время правления, то есть в миру.

Житие Михаила Ярославича Тверского служило источником для таких известных историков, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин. Историографы брали за основу поздние летописные версии, рассказывавшие о жизни и кончине тверского князя, большинство которых подверглось промосковской переработке. М. М. Щербатов из всех имевшихся в его распоряжении источников отдавал предпочтение Никоновской летописи, которая отражает московскую точку зрения на события. К повествованию о судьбе тверского князя обращался в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, который, сомневаясь в точности сведений Никоновской летописи, предпочел работать с текстом Воскресенской. При этом фигура Михаила Тверского была обрисована в идиллических тонах. В дальнейшем Н. А. Полевой, обращаясь к работе Н. М. Карамзина, помимо идиллических черт князя выявил теньевые стороны его политики.

Благодаря публикации ранее не изданных летописных сводов началось источниковедческое изучение повествования о жизни и гибели в Орде Михаила Ярославича в составе летописных сводов. Этим занимались Филарет (Гумилевский), Н. И. Костомаров, И. А. Тихомиров. Они стремились установить первоначальную редакцию памятника. Первым, кто попытался аргументированно разобраться в сложных взаимоотношениях редакций, был В. О. Ключевский. В монографии «Древнерусские жития святых как исторический источник» он обратился в первую очередь к спискам памятника в сборниках и оставил без внимания летописные версии. Главное внимание исследователь сосредоточил на выявлении древнейшей редакции памятника. Особое внимание уделил тексту жития Н. И. Серебрянский в работе «Древнерусские княжеские жития», он считал, что «по назидательности рассказа и по своей содержательности» повествование о Михаиле Ярославиче должно быть признано «одним из лучших памятников древнерусской

агиобиографии»⁴. Он также указал на первоисточники жития и установил его сходство со Сказанием о Михаиле Черниговском, второй редакцией жития Игнатия Ростовского, повествованиями об Александре Невском и Дмитрие Солунском. Н. И. Серебрянским, рассматривавшим лишь поздние редакции памятника, житие было отнесено к разряду мученических княжеских житий.

Внимание к произведению проявил А. А. Шахматов. Специально повествованием о Михаиле Тверском он не занимался, но обращался к нему при исследовании ряда летописных сводов в работе «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.».

Благодаря исследованиям ученых было обнаружено и введено в оборот значительное число редакций жития в составе летописей и рукописных сборников. Подробно и детально историографию памятника и археографический обзор списков повести о Михаиле Ярославиче Тверском дал В. А. Кучкин в монографии «Повести о Михаиле Тверском», в которой были проанализированы различные редакции, определены их взаимоотношения и установлен древнейший вариант памятника. Исследователь выявил 13 редакций жития: 8 летописных, которые подразделяются на 2 группы, представляющие московские и тверские обработки повествования, и 5 нелетописных. Древнейшей из сохранившихся считается Пространная редакция. Отдельные ее списки использовались в научной литературе, начиная с последней трети XIX века, но описания редакции и ее публикации не существовало. В 1985 году она была издана В. И. Охотниковой⁵, за основу был взят Першинский список памятника. В. А. Кучкин подверг это издание и существующие к нему комментарии строгому и детальному анализу и установил

⁴ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. – М., 1915. – С. 253.

⁵ Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Сборник научных трудов. – Л., 1985. – С. 16–27.

многие несоответствия и ошибки, назвав данную публикацию неудачной⁶.

Издание Пространной редакции было также осуществлено Б. М. Клоссом во втором томе «Избранных трудов»⁷ на основе списка А. С. Уварова, испорченные места исправлялись, а пропуски восполнялись по другим спискам, о чем отдельно сказано в примечаниях. Однако это издание также подверглось критике В. А. Кучкина.

«Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском», подготовленная к изданию В. А. Кучкиным, вышла в сборнике «Средневековая Русь» в 1999 году⁸. Издание осуществлялось не по одному списку, в отличие от неудачного предшествующего опыта, а по 7 спискам XVI–XVII вв. В основу публикации положен список В. М. Ундольского как наиболее древний, остальные списки использовались в виде вариантов.

С точки зрения литературных особенностей к древнейшему произведению тверской агиографии на протяжении долгих лет практически не обращались. Достаточно краткий анализ представлен в монографии Г. П. Федотова «Святые Древней Руси». В главе «Святые князья» исследователь рассматривает основные типы княжеских житий, среди которых выделяет жития равноапостольных князей, князей-иноков, страсотерпцев и князей-воителей за русскую землю. В разделе, посвященном князьям-страсотерпцам, упоминается «Житие Михаила Ярославича Тверского». В первую очередь автор концентрирует внимание на образе главного героя. Также Г. П. Федотов обнаруживает черты сходства «Жития Михаила Ярославича Тверского» с житийной литературой, посвященной Борису и Глебу, с «Повестью об убиении в Орде

⁶ Кучкин В. А. Пространная редакция Повести и Михаиле Тверском // Средневековая Русь. – М., 1999. – Вып.2. – С. 117–120.

⁷ Клосс Б. М. Тверская агиография XIV–XVI вв. Житие Михаила Ярославича // Избранные труды. – М., 2001. – Т.2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. – С. 188–201, 239–242.

⁸ Кучкин В. А. Пространная редакция Повести и Михаиле Тверском // Средневековая Русь. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 125–163.

князя Михаила Черниговского и боярина его Федора». При этом исследователь отмечает исключительность исследуемого памятника, говоря, что «основной мотив подвига – даже единственный... это самоотверженная любовь к народу, готовность отдать свою душу «за други своя»⁹. Этот мотив позволяет сблизить памятник с житиями князей-воителей за русскую землю. Таким образом, устанавливается, что «Житие Михаила Ярославича Тверского» представляет собой жанр синтетический, объединяющий в себе особенности двух типов житий¹⁰.

Точки зрения Г. П. Федотова на жанровые особенности «Жития Михаила Ярославича Тверского» придерживается и современный исследователь А. М. Ранчин, в статье «Князь-страстотерпец в славянской агиографии»¹¹ он относит произведение к типу страстотерпческих житий, называя убийцами князя Юрия Московского и Романца. Данная трактовка, на наш взгляд, явно сужает жанровые особенности памятника и не дает полного представления о художественной значимости жития.

Более подробный и детальный литературоведческий анализ памятника был осуществлен в диссертации, статьях и монографиях Е. Л. Конявской. Исследовательница описывает жанрово-художественное своеобразие тверских памятников, в том числе и «Жития Михаила Ярославича Тверского». Особое внимание Е. Л. Конявская уделяет вопросу о сюжетно-композиционном своеобразии произведения, а также жанровой природе памятника.

Она также рассматривает особенности раскрытия ордынской темы и темы антиордынского противостояния на примере образов главных героев жития¹².

⁹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. – М., 2003. – С. 83.

¹⁰ Там же. – С. 81–83.

¹¹ Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. – М., 1999. – С. 55–65.

¹² Конявская Е. Л. Литература Твери XIV–XV в. (Текстология, проблематика, жанровая структура) Диссертация... кандидата филологических наук. – М., 1984. – 191 с.

Изучением «Жития Михаила Ярославича Тверского» занимался Б. М. Клосс. В предисловии к изданию жития он предлагает свою точку зрения на датировку памятника, рассматривает проблему авторства жития, а также дает подробный обзор редакций памятника¹³.

Особое место среди исследований занимают работы Н. И. Пак¹⁴. Исследовательница выделяет в корпусе текстов о князьях-мучениках, погибших в Орде, памятник, посвященный Михаилу Ярославичу Тверскому. В работах Н. И. Пак рассмотрены жанровые особенности произведения, элементы сюжета и некоторые приемы создания образов основных персонажей. Исследовательница приходит к выводу, что произведения, посвященные тверскому князю, структурно и семантически укладываются в рамки жанра повести и рассматривает аналогичные в жанровом отношении древнерусские произведения о Михаиле Черниговском, Андрее Боголюбском.

Исследователи из Твери М. В. Строганов и С. Ю. Николаева также уделяют особое внимание изучению рассматриваемого памятника. Под редакцией М. В. Строганова вышло несколько книг, посвященных литературным памятникам Тверского

Конявская Е. Л. Жанрово-композиционное своеобразие древнерусской повести о Михаиле Ярославиче Тверском // Вопросы сюжета и композиции. – Горький, 1985. – С. 14–19. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) – М., 2000. – 195 с.

Конявская Е. Л. Житие Михаила Ярославича: герой и его враги // Очерки по истории тверской литературы XIV–XV века. – М., 2007. – С. 28–46.

¹³ Клосс Б. М. Житие Михаила Ярославича // Клосс Б. М. Избранные труды. – М., 2001. – Т. 2. – С. 175–188.

¹⁴ Пак Н. И. Новый список повести о Михаиле Тверском и службы ему // Литература Древней Руси. М., 1986. – С. 62–65.

Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII–XV веков. (Текстология, жанровое и структурно-стилистическое своеобразие). Дис. ... канд. филолог. наук. – М, 1986/ – 202 с.

Пак Н. И. Стилиевое своеобразие повестей об убиенных князьях великих в составе Великих Минеи Четврых Митрополита Макария // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI веков. Можайск, 1993. – С. 155–170.

края. Им была предпринята попытка представить имеющиеся в распоряжении исследователей тексты о Михаиле Ярославиче Тверском с целью воссоздания целостного литературного образа, также были опубликованы ранее не печатавшиеся документы о тверском князе¹⁵. С. Ю. Николаева оценивает «Житие Михаила Ярославича Тверского» как литературное произведение, исследует его в контексте тверской литературы, во взаимосвязи с другими памятниками агиографической литературы¹⁶.

Рассмотрением стилистических особенностей жития занималась Р. Д. Кузнецова¹⁷. Исследовательница отмечает сходство стилистики рассматриваемого памятника с летописным текстом, что помогает ей определить жанр произведения как повесть. При этом Р. Д. Кузнецова указывает и на характерные стилистические особенности, присущие житиям. На основании проведенного исследования она делает следующий вывод: «На протяжении всей повести о Михаиле Тверском содержание ее актуализирует и утверждает письменно-книжные или разговорные средства языка, свидетель-

¹⁵ Литература Тверского края в контексте древней культуры: Сборник статей и публикаций / Сост. и отв. ред. М. В. Строганов. – Тверь, 2002. – 226 с.

Михаил Тверской. Тексты и материалы / Сост., перевод, комментарии М. В. Строганова. – Тверь, 2002.

Древняя Тверь – реальная и книжная: Материалы и исследования / Сост. и отв. ред. М. В. Строганов. – Тверь, 2006.

¹⁶ Николаева С. Ю., Павловская И. В. Жанрово-стилевое своеобразие «Повести о Михаиле Тверском // Дни славянской письменности и культуры. Сборник докладов и сообщений. – Тверь, 1996. – Вып. 2. – С. 36–44.

Николаева С. Ю. «Житие Михаила Тверского» в контексте Тверской литературы // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич. Личность, эпоха, наследие: Международная научная конференция. – Тверь, 1996. – С. 19–20.

Николаева С. Ю. «Житие Михаила Тверского» как литературный памятник // Дни славянской письменности и культуры. Сборник докладов и сообщений. – Тверь, 1996. – Вып. 3. – С. 15–19.

¹⁷ Кузнецова Р. Д. Стилистические особенности повести о Михаиле Тверском // Дни славянской письменности и культуры. Сборник докладов и сообщений. – Тверь, 1996. – Вып. 2. – С. 29–36.

ствующие о переплетении летописного и житийного начал... Глубокие книжные традиции повести о Михаиле Ярославиче, характерные для летописного повествования и обращенные к традициям древнерусской письменности, способствовали созданию памятника, который не только тесно связан с тверской литературой, но и является достоянием литературы общерусской»¹⁸.

Существует также ряд статей Г. Н. Пономарева, основателя и главы «Общества Михаила Ярославича Тверского», носящих историко-культурологический характер. В них рассматривается образ главного героя с точки зрения его значимости для русской истории и культуры¹⁹.

¹⁸ Кузнецова Р. Д. Стилистические особенности повести о Михаиле Тверском // Дни славянской письменности и культуры. Сборник докладов и сообщений. – Тверь, 1996. – Вып. 2. – С. 35.

¹⁹ Пономарев Г. Н. В чем величие Михаила Тверского // omt.library.tver.ru

Пономарев Г. Н. Михаил Тверской в поэзии // Дни славянской письменности и культуры. Сборник докладов и сообщений. – Тверь, 1997. – Вып. 3. – С. 8–15.

Пономарев Г. Н. Михаил Ярославич Тверской первый «великий князь вся Руси» (685 лет со дня мученической кончины) // omt.library.tver.ru

Пономарев Г. Н. Отечестволюбец, святой, благоверный, Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич (доклад на конференции 1996 г. Тверь) // omt.library.tver.ru

Глава 1

Жанровые особенности древнерусских произведений о Михаиле Тверском

1.1 Истоки жанра жития

Исследователи, в той или иной мере обращавшиеся к древнерусским произведениям о Михаиле Ярославиче Тверском, дают им разные жанровые определения. При этом в большинстве случаев особенности жанра не рассматриваются, а жанровое определение, порой даваемое вслед за предшествующей традицией, выступает как некая статичная данность, которая не подвергается сомнению или пояснению. Данная особенность затрудняет анализ структурных и художественных особенностей произведений. Жанровые определения варьируются от повести (В. А. Кучкин, Е. Л. Конявская, Н. И. Пак и др.) до жития (Н. И. Серебрянский, Е. Л. Конявская, А. М. Ранчин и др.). При этом не решен вопрос о типах или разновидностях указанных жанров, о том, к какой именно группе повестей могут относиться тексты в сборниках: к историческим повестям о княжеских преступлениях или об убийстве в Орде. Если же речь идет о житии, то какой группе оно соответствует: мученическое, страстотерпческое, жития князей-воинов. Жанровое определение не просто облегчает рассмотрение художественных особенностей произведений, так как выявляет некий канон и вписывает памятник в группу подобных ему, имеющих сходные цели, задачи, систему изобразительных средств, ведь средневековый жанр предписывает правила внутренней организации текста и его отдельных элементов.

История и теория жанра жития уходят корнями в глубокую древность, поэтому основной трудностью исследования памятников данного жанра является то, что житие – жанр не только литературный, но и церковный. Жития имели прежде всего церковно-служебное, религиозно-назидательное значение. В. О. Ключевский писал об этом: «Житие по существу своему состоит из двух элементов совершенно различного происхождения и свойства: это ораторское произведение, церковная проповедь, предметом которой служат те же религиозно-церковные истины, как и в простом церковном слове,

но рассматриваемые не в отвлеченном анализе или практическом приложении, а на известных исторических лицах и событиях. Оба эти элемента, литературный и исторический, имели свою судьбу в развитии древнерусского жития, но при этом трудно найти другой род литературного произведения, в котором форма в большей степени господствовала бы над содержанием, подчиняя последнее своим твердым, неизменным правилам»²⁰.

Житийная, или агиографическая литература возникла для удовлетворения потребностей христианской церкви и христианского общества. Памятники данного жанра служили укреплению авторитета христианской религии, давали людям наглядные примеры праведной жизни во Христе. Жития впоследствии сыграли роль важных документальных свидетельств в процессе подготовки церковной канонизации подвижников. Все это предопределило особенности содержания, обусловило строгую регламентацию и закреплённость формы житий²¹. Так со временем сформировался житийный канон, то есть совокупность правил, определяющих форму и содержание произведения, структурная модель художественного произведения.

Особое положение житий в жанровой системе древнерусской литературы определило наличие канонической схемы их построения. Рассказу о святом предпосылалось риторическое вступление, которое, помимо общих фраз о святом и его подвиге, оправдывало стремление автора рассказать потомкам о жизни святого. Далее следовал рассказ о рождении, детстве героя. Уже с ранних лет жизненный путь его был отмечен предначертанием будущей святости. Потом шло повествование о жизни святого, его прижизненных подвигах, после чего рассказывалось о смерти героя. Смерть могла быть мученической, во имя христианской веры, либо наступающей в глубокой старости, при этом святой часто

²⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. – С. 358.

²¹ Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). – Курган, 1999. – С. 111.

предчувствовал, как он покинет мир и когда это произойдет. Затем следовало сообщение о посмертных чудесах у мощей, у гроба святого, при обращении к нему с молитвою. Завершалось житие риторическим заключением и похвалой святому²².

Особым назначением житий объясняется во многом любовь их авторов к повторениям в рассказах о жизни и гибели различных святых, наличие общих формул, стилистических оборотов, схожих ситуаций. При этом важно помнить, что святыми могли стать только реально существовавшие люди, исторические фигуры. Поэтому, несмотря на отвлеченность рассказа, в основу жития ложились реальные события из жизни святого.

Жития писались разными агиографами. Одни авторы украшали их обширными риторическими вставками, придававшими торжественность и пышность. Другие создатели особое внимание уделяли сюжету, вносили в повествование многочисленные эпизоды, рассказывающие о жизни и подвигах святого. Чем сильнее проявлялось отступление от установившихся канонических рамок, тем ярче и оригинальнее получалось агиографическое произведение.

Житие пришло на Русь из Византии, где сложилось на основе античной биографии, «вобрав в себя и объединив черты трех ее разновидностей: историчность и последовательность биографии-биос, эмоциональность и риторичность похвального слова и дидактическую моралистичность биографий Плутарха»²³. У истоков житийной литературы стояло также жизнеописание Иисуса Христа в четырех версиях (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), канонизированное церковью и образовавшее Евангелие. Оно определило житийные принципы изображения героя (идеализирующий), отбора и расположения материала (избирались самые яркие эпизоды жизни,

²² Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV// Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 208.

²³ Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). – Курган, 1999. – С. 111.

связанные по хронологии или тематике, чтобы доказать исключительность святого). Многие евангельские мотивы стали общими местами, топосами для житий.

Придя на русскую почву, агиография приспособилась к новому содержанию и типу героя. Она была призвана показать на конкретных примерах, как воплощается в жизнь учение Отцов Церкви об идеальном человеке как об образе и подобии Божию, и о путях достижения этого идеала. В результате того, что способы достижения святости могли быть различными (совершать подвиг в миру или покинув мир, удалившись в монастырь или пустынь), внутри агиографии появилось разделение на разновидности. Таким образом, многое в житии зависело от чина святости, к которому принадлежал персонаж, от того духовного подвига, который он для себя выбрал.

Особое место среди житий занимают жития мучеников, герои которых уподобляются в своих страданиях Иисусу Христу. На первый план в таких житиях выходят те черты героев, которые позволяют сблизить их с евангельским образом Христа. В центре повествования лежит конфликт между главным героем, верным христианином, отстаивающим свои убеждения, и его противником или противниками, чаще всего язычниками или иноверцами, которые сильнее его физически и оказываются фактическими победителями. Но противники при этом побеждены морально силой духа и высотой нравственных убеждений главного героя жития. Описываемый в житии конфликт неизбежен и неразрешим, всегда ведет к гибели, потому что обе противоборствующие стороны занимают противоположные позиции. Причем если один из героев – идеальный положительный, то другой – «идеальный» злодей. Будущий мученик отказывается принести жертву языческим богам, следовать языческим обычаям, показывая превосходство своей религии. Гонители представлены орудиями, с помощью которых враг рода человеческого пытается сокрушить христианскую веру. Герою, как правило, не присущи внутренние борения, мучительные размышления о предстоящей гибели. Герой-мученик имеет перед собой пример Христа, чувствует Его поддержку,

помощь, особое благоволение. Он уверен, что со смертью, приняв мученический венец, угодит тем самым Богу, будет причислен к лику святых. Отсюда и радость, особое душевное просветление, с которым мученик идет на смерть. Подвергающийся мучениям герой расстается с жизнью, но побеждает дьявола.

Жития святых мучеников за веру описывают в первую очередь кульминационный момент жизни и героическую гибель героя. В связи с этим в житии отсутствуют биографические и хронологические элементы.

Мученики, каковыми могли стать мужчины, женщины и дети, являлись в свою очередь учителями в вере для других людей. Они учили своим собственным примером, который заключался в силе духа, позволявшей стойко выдерживать все истязания и пытки, что без помощи высших сил сделать было бы невозможно. А чудесами, происходящими уже после их гибели, еще в большей степени утверждалось божественное покровительство. Уподобляясь Христу-человеку, идущему на страдания, мученики также уподоблялись еще и Христу-Богу, становясь настоящими проповедниками веры. Поэтому важное место в житиях занимают их монологи и обращения к гонителям и мучителям, к народу.

Все остальные святые, в отличие от мучеников, условно могут быть названы «последователями». К таковым относятся пророки, апостолы, исповедники, отцы и иерархи церкви, святители, отшельники, преподобные.

«Вместе с принятием христианства на Русь в готовом виде были перенесены основные богословские, церковные и литературные традиции, выработанные Византией. К этим традициям, несомненно, относились и правила канонизации святых подвижников, принятые русской церковью, и христианская «иерархия святости», и система жанров русской церковной литературы, в том числе литературы агиографической»²⁴.

²⁴ Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). – Курган, 1999. – С. 129.

Тексты о мученической гибели защитников христианской веры стали появляться с середины II в., создавались различными авторами, ставившими перед собой конкретные цели, отличавшимися друг от друга образованностью, взглядами на мир, литературными способностями. «В основании некоторых сочинений лежат тюремные дневниковые записи самих мучеников или судебные протоколы их допросов, что придает этим сообщениям особую ценность; другие записывались очевидцами казни по горячим следам, а то и несколько лет спустя»²⁵. Подобные ранние агиографические тексты условно относят к одному из двух типов: *acta martyrum* (деяния или акты мучеников) и *passions* (страсти). «Acta по преимуществу диалогичны: их ядром является запись допроса мученика римским магистратом, скопированная с судебного протокола, хранившегося в архиве или сделанная каким-то владевшим стенографией христианином, который присутствовал на суде»²⁶. Данные тексты претендуют на документальность и достоверность. В то время как *passiones* «строятся как повествование от лица очевидца, который рассказывает от третьего лица о смерти мученика. Как правило, описываются арест святого, его пребывание в тюрьме, допрос римским магистратом и исповедание христианства, наконец, его смерть. В центре рассказа оказывается не допрос, а казнь со всеми кровавыми подробностями и сопровождающими ее чудесами»²⁷.

Заимствованные и перенесенные на русскую почву, переведенные с греческого языка жития стали основой агиографической литературы. Но наряду с ними стали появляться оригинальные древнерусские жития, имеющие свои отличительные особенности. Это объясняется прежде всего тем, что изменился сам тип житийного героя, так как русский святой принципиально отличался от святого западной церкви. Сама

²⁵ Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. – СПб, 2017. – С. 23.

²⁶ Там же. – С. 24.

²⁷ Там же. – С. 25.

историческая ситуация, когда христианство с 988 года стало государственной религией, обусловила то, что на Руси не было своих «мучеников за веру» в полном смысле этого слова²⁸. Однако для русского национального самосознания изначально было характерно отношение к мученичеству как к высшему подвигу подражания и уподобления Христу. Страдание и мученическая кончина были окружены ореолом святости. Стремление пострадать, принося себя в жертву ради спасения других или строго следуя христианским заповедям, становилось наиболее важным и оправданным подвигом.

1.2 Обзор основных текстов

В медиевистике корпус текстов о Михаиле Ярославиче Тверском как некое единство рассматривался лишь В. А. Кучкиным с целью установить первоисточник и соотнести все имеющиеся редакции между собой. Конечно, это не означает, что художественные и стилистические особенности древнерусских памятников не были рассмотрены, просто данная задача во главу угла не ставилась, и потому элементы стилового анализа присутствуют в монографии как второстепенный материал, служащий для реализации поставленной цели. К отдельным произведениям, посвященным жизни и гибели Михаила Ярославича, обращались исследователи тверской литературы. В этом случае выбранное для анализа произведение рассматривалось в парадигме других текстов местной традиции. Часть исследователей обращала внимание на житийный памятник и рассматривала его литературные и стилистические особенности в ряду агиографических текстов определенной группы.

Анализ произведений, вошедших в отдельные сборники, стал частью работ, посвященных этим сборникам в целом и их стилистическому своеобразие, хотя в большинстве случа-

²⁸Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). – Курган, 1999. – С. 131.

ев произведения о Михаиле Ярославиче Тверском в составе Степенной книги, Великих Миней Четъих митрополита Макария (далее – ВМЧ), Старопечатного Пролога не привлекали внимания исследователей.

Повествования о подвиге тверского князя находят отражение в составе древнерусских летописных сводов, относящихся к местной тверской и общерусской традиции. На зафиксированные летописцами факты обращали внимание прежде всего историки и использовали сведения в качестве материала для исторических разысканий и характеристик.

Так или иначе, очевидным остается то, что до сих пор не был проанализирован весь корпус текстов о Михаиле Ярославиче Тверском с точки зрения художественного своеобразия произведений, входящих в его состав. Самостоятельные, идейно и композиционно оформленные произведения, вошедшие в крупные сборники и летописные своды, создают единый массив текстов, центральной объединяющей нитью которого является образ главного героя – тверского князя. Его поступок, мужественное решение пожертвовать жизнью, чтобы защитить своих сограждан и уберечь земли от разорения, не мог остаться без внимания, но каждый автор, отразивший исторические события, руководствовался своими принципами, набором художественных средств, знаниями о случившемся, своей политической позицией. В зависимости от этого повествования приобретали определенные жанровые особенности, получали различное художественное и стилистическое оформление. Однако все древнерусские памятники наряду с частными целями преследовали одну общую – зафиксировать случившееся и рассказать о подвиге Михаила Ярославича потомкам. Поэтому только подробный и поэтапный разбор и анализ всего корпуса текстов может дать возможность охарактеризовать героев повествования, уяснить особенности стиля, сюжета и композиции каждого из произведений в отдельности и определить его литературное и историческое значение. Подобное исследование поможет выявить мастерство авторов – повествователей и определить их собственное отношение к фигуре главного героя и

описываемым событиям, уяснить, с какой целью и в какой обстановке они создавали свои произведения.

Нами будут рассмотрены памятники древнерусской литературы, созданные в разное время, отличающиеся друг от друга в жанровом и стилевом отношении:

1) Пространная редакция «Жития Михаила Ярославича Тверского» – самый ранний из дошедших до нас текстов о Михаиле Тверском. Время создания памятника точно не установлено, однако доподлинно известно, что он относится к XIV веку. Существует несколько точек зрения относительно конкретной даты написания. В. А. Кучкин считает, что житие написано вскоре после похорон Михаила Ярославича в Твери в конце 1319 – начале 1320 гг.²⁹ Однако Б. М. Клосс предлагает другую датировку, считая ее более вероятной. Исследователь обращает внимание на то, что Михаил Ярославич в тексте довольно часто и последовательно называется великим князем Владимирским, даже тогда, когда формально лишается этого титула. Князь Юрий Данилович Московский ни разу не назван великим князем. При этом все время подчеркивается старшинство тверской династии над московской. Исследователь предполагает, что такое положение более объяснимо для периода 1322–1327 гг., когда Владимирским великим княжением владели сыновья Михаила Ярославича – Дмитрий и Александр³⁰.

Автор жития – лицо явно духовное. Об этом говорит стиль изложения, особое внимание к молитвам и церковным обрядам, неоднократное упоминание митрополита Максима и святых, покровительствующих Михаилу Ярославичу. Со времен Филарета (Гумилевского)³¹ предполагается, что автором «Жития Михаила Ярославича Тверского» был духовник тверского князя, игумен тверского Отроча монастыря Александр.

²⁹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. – М., 1974. – С. 234.

³⁰ Клосс Б. М. Житие Михаила Ярославича // Избранные труды. – М., 2001. – Т. 2. – С. 176–177.

³¹ Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. – СПб., 1857. – С. 68.

Как указывают исследователи (Филарет, В. О. Ключевский, В. А. Кучкин), Александр сопровождал тверского князя в Орду, где на какое-то время был разлучен с духовным сыном (это произошло, когда Михаила Ярославича заключили в темницу). Александр хорошо и давно знал тверского князя и его семью, был осведомлен об особенностях борьбы Михаила Ярославича с Юрием Московским.

В. А. Кучкин указывает, что произведение было написано по живым следам событий. Игумен Александр вернулся из Орды с Юрием Московским через год после гибели Михаила Тверского. Это подтверждается замечанием автора в тексте жития о дальнейшей судьбе Кавгады. Кавгадый скончался менее чем через полгода после гибели Михаила Ярославича. Александр написал об этом в житии, так как, вероятно, был свидетелем и очевидцем этих событий³².

Однако Е. Л. Конявская в монографии «Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.)» высказывает сомнение в такой атрибуции жития. Исследовательница считает, что Александр не может быть назван автором, так как в тексте упомянут в третьем лице³³. Но данный факт не может отрицать авторства духовного отца Михаила Ярославича. Агиограф, с одной стороны, скрывает свое имя из-за скромности, так как его рукой при написании произведения движут высшие силы. Но если главный творец и создатель – Бог, а автор – лишь тот, кто выполняет Его волю, то он не имеет права в тексте употреблять местоимение «я». При этом автор стремится к точности повествования и правдоподобию, поэтому, говоря о том, что от Михаила Ярославича прогнали всю его дружину и близких ему людей, он упоминает свое имя, стараясь передать истинный ход событий.

2) Житие Михаила Ярославича Тверского в составе ВМЧ митрополита Макария. Монументальным памятником

³² Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. – М., 1974. – С. 234.

³³ Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). – М., 2000. – С. 143.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru